

Legal systems and economic development: specific examples and general conclusions

A. M. Lushnikov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-1-6-17

Research article
Full text in Russian

This article presents the author's analysis of the impact of legal systems on the economies of individual countries. It summarizes the views of several authoritative scholars in the humanities (N. Ferguson et al.) and assesses practical cases of reform, primarily of judicial systems, aimed at aligning them with free market demands. Specifically, it analyzes scholarly perspectives both theoretically and in defining a list of practical measures, for example, in accordance with the 1989 Washington Consensus. It is argued that the lack of a comprehensive set of measures to reform the legal system (with a one-sided emphasis on protecting property rights) can lead to the failure of economic reforms. The conclusion is that any legal system has a significant impact on the economy; however, the superiority of any one system cannot be definitively asserted outside the overall context of legal regulation and other key social relations.

Keywords: law; economics; judicial system; Washington Consensus; privatization; legal families

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lushnikov, Andrey M.	E-mail: amlu0909@yandex.ru D. Sc. (Jurisprudence), D. Sc.(History), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
----------------------	---

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-023)

For citation: Lushnikov A. M. Legal systems and economic development: specific examples and general conclusions // Demidov Law Journal. 2026. Vol. 16, No. 1. P. 6-17. (in Russ.)

Правовые системы и развитие экономики: частные примеры и общие выводы

А. М. Лушников¹

¹Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2949-3439-2026-1-6-17

УДК 346+340.15

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье дан авторский анализ проблемы влияния правовых систем на экономику отдельных государств. Обобщены мнения ряда авторитетных специалистов в сфере гуманитарных наук (Н. Фергюсона и др.), а также дана оценка практических случаев реформирования, прежде всего, судебных систем с целью их соответствия требованиям свободного рынка. В частности, анализируется точка зрения ученых как в теоретическом аспекте, так и в определении перечня практических мероприятий, например, в соответствии с «Вашингтонским консенсусом» 1989 г. Утверждается, что именно отсутствие комплекса мероприятий по реформированию правовой системы (при одностороннем акценте на защиту права собственности) могут привести к неудаче проведения экономических преобразований. В заключение сделан вывод о том, что любая правовая система оказывает огромное влияние на экономику, однако о преимуществе какой-либо из них однозначно утверждать нельзя вне общего контекста правового регулирования и других наиболее важных общественных отношений.

Ключевые слова: право; экономика; судебная система; «Вашингтонский консенсус»; приватизация; правовые семьи

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушников, Андрей Михайлович

Е-mail: amlu0909@yandex.ru

Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой трудового и финансового права,
Заслуженный юрист Российской Федерации

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-023)

Для цитирования: Лушников А. М. Правовые системы и развитие экономики: частные примеры и общие выводы // Демидовский юридический журнал. 2026. Том 16, № 1. С. 6-17.

Влияние правовых систем на развитие экономики является глобальной, комплексной и весьма многослойной проблемой, по определению не предполагающей однозначного ответа. Это тем более очевидно с учетом большого влияния на право истории отдельных государств, религии, культуры, цивилизационной принадлежности. Большинство ученых-компаративистов в этой связи выражаются весьма деликатно и обтекаемо, характеризуют эффективность права и правосудия в целом, а не по отдельным составляющим [1–3]. Некоторые экономисты в этой части более смелы и пишут о приоритете общего права для рыночной экономики, т. к. оно луч-

© ЯрГУ, 2026

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ше защищает права собственности и авторские права, нацелено на вынесение более экономически обоснованных судебных решений, причем не только по гражданским, но и по уголовным делам. Эти ученые традиционно принадлежат к научному направлению «экономический анализ права», который проводится в русле «экономического империализма» [4].

Однако дальше всех в этом направлении пошел один из наиболее видных современных британских историков, причем очень активно публикуемый в России, – Н. Фергюсон (р. 1964) [5–12]. Он относится к числу западных «публичных интеллектуалов», чья позиция постоянно освещается в печати. Именно они формируют таковое общественное мнение. Как истинный британец, да еще преподающий в США, он, мягко говоря, критически относится к современной России. При этом стоит отметить, что Н. Фергюсона не без основания считают «проблемным» историком и называют даже автором в жанре «высококачественной попсы» [13, с. 77], причем в его отношении нередко используют такие эпитеты, как «спорный», «провокационный», «поверхностный» и даже «забавный».

Именно этот историк на основании публикаций американского экономиста советского происхождения А. Шлейфера (р. 1961) и его соавторов – американца Р. Вишни (р. 1959), аргентинца Р. Ла Порты (р. 1962), мексиканки Р. Лопес-де-Силанес (р. 1966), нечуждых «экономическому анализу права», пришел к выводу, что сама по себе романо-германская правовая семья (которую он именует римско-французским или просто французским правом, что очень странно) ведет к вырождению современной цивилизации (т. к. судьи там «слепо» исполняют законы), а распространение этой правовой семьи – одна из главных причин этого вырождения [14]. Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет ни много ни мало, а именно о вырождении современной западной цивилизации, так сказать, в правовом измерении.

Причина проста: англо-саксонская правовая семья (по Фергюсону – общее право англоязычных стран) лучше обеспечивает исполнение обязательств и сдерживает государство, лучше обеспечивает инвестиции и кредит и в конечном итоге – более высокие темпы экономического развития. Все это, оказывается, и доказал интернациональный коллектив экономистов. Стоит отметить, что все они являются достаточно уважаемыми и авторитетными учеными в мире экономической науки.

Между тем в статье этих четырех вышеупомянутых авторов рассматриваются правовые нормы, регулирующие защиту акционеров и кредиторов, а также происхождение этих норм на примере нескольких десятков государств. Результаты, по мнению авторов, позволяют выдвинуть следующую гипотезу: в странах с общим правом правовая защита инвесторов в целом находится на самом высоком уровне. Напротив, в странах с континентальным французским правом эта защита – на самом низком уровне (в силу излишней государственной централизации и исторических традиций), не говоря уже о незападном праве, где она зачастую просто отсутствует. Некоторые страны с континентальным правом, такие как Германия и Скандинавские страны, находятся где-то посередине. Они также обнаружили, что концентрация акций в руках крупнейших публичных компаний отрицательно сказывается на защите инвесторов, что согласуется с гипотезой о том, что миноритарные акционеры вряд ли будут играть важную роль в странах, где их права не защищены. Среди основных причин успеха государств общего права названы более либеральный рынок труда (с меньшей безработицей) и менее формальное отношение судов к разрешению корпоративных споров при большей независимости судей

и умеренном вмешательстве государства. Однако эта достаточно аккуратная гипотеза стала основанием для глобального вывода историка в отношении всей правовой системы как причины названного вырождения. От себя добавим, что слабая правовая защита инвесторов от возможного злоупотребления правом акционеров и высшего менеджмента – классическая проблема для любого государства, относящегося к любой правовой системе. Причем защита миноритариев – далеко не самая главная часть этого обширного вопроса. Однако основным аргументом А. Шлейфера и его соавторов была лучшая правовая защищенность именно мелких акционеров и больший объем выплаченных им дивидендов.

Некоторые выводы Н. Фергюсона на основе суждений экономистов просто не поддаются правовой оценке, как, например, утверждение о том, что «имущественные права первичнее прав человека» [15, с. 102–126]. Что бы это ни означало, для любого юриста понятно, что имущественные права (в том числе право собственности) – это только одно из экономических прав человека и что политические и гражданские права уж никак не менее первичны. Создается впечатление, что историк Н. Фергюсон так проникся идеями приоритета права собственности, что право на жизнь, на неприкосновенность личности и частной жизни, на участие в политической деятельности превращаются в некие вторичные права. Действительно, его не смущает лучшая, по мнению многих европейских юристов, защищенность социальных и культурных прав в государствах романо-германской правовой семьи, большая нацеленность ее судов на реализацию правовых принципов справедливости и равенства. Решающий аргумент в пользу общего права – оно, оказывается, «подлинно эволюционно» [15, с. 113]. Создается впечатление, что суды континентальной Европы не имеют возможности толковать право, а само оно просто неизменно со времен Юстиниана. Более того, главную угрозу правовой системе Великобритании историк видит во «вторжении европейского права» и его «офранцузивании» как своего рода «мести Наполеона». Представляется, что это был один из весомых аргументов за выход Великобритании из Евросоюза, хотя английский историк и не относится к его горчим сторонникам.

Еще более проблемным выглядит его призыв заменить наметившееся «верховенство законников» (в законодательном корпусе и юристов вообще) на «верховенство закона». Для этого предложено решительно уменьшить число юристов среди парламентариев (возможно, в духе советских времен, за счет рабочих и колхозниц, но о конкретике автор умолчал). Фергюсона искренне радует, что доля юристов в Сенате США с начала 70-х гг. до начала 10-х гг. XXI в. снизилась с 51 % до 37 %, а в Палате представителей – с 43 % до 24 %. Неким ориентиром стала английская Палата общин с 14 % юристов [15, с. 125–126]. От себя добавим, что более пугающим для британца должно являться следующее: подавляющее большинство американских президентов были юристами (Д. Адамс (второй президент), Т. Джефферсон (третий президент, оба-отцы-основатели США), Д. Монро, Д. К. Адамс, Э. Джексон, М. Ван Бюрен, У. Гаррисон, Д. Тейлор, Д. Полк, М. Филлмор, Ф. Пирс, Д. Бьюкенен, А. Линкольн, Р. Хейс, Ч. Артур, Г. Кливленд, Б. Гаррисон, У. Маккинли, Т. Рузвельт, У. Тафт (после отставки стал председателем Верховного Суда США), В. Вильсон (ставший и известным историком), К. Кулидж, Ф. Д. Рузвельт, Д. Ф. Кеннеди, Р. Никсон, Д. Форд, Б. Клинтон, Б. Обама, Д. Байден) т. е. 28 из 45 (некоторые занимали этот пост неоднократно), т. е. почти 2/3.

Проще назвать не юристов: профессиональные военные Д. Вашингтон (первый президент), З. Тейлор, У. Грант, Д. Эйзенхауэр, Д. Картер, педагоги Д. Гарфилд и Л. Джонсон, инженер и геолог Г. Гувер, экономисты Р. Рейган (бывший всю карьеру до ухода в политику профессиональным актером), Дж. Буш-старший, Дж. Буш-младший и нынешний президент Д. Трамп, а также лица, которых можно скорее назвать профессиональными политиками (Д. Мэдисон, Э. Джексон, У. Гардинг, Г. Трумэн), – 17 из 45, т. е. немногим более 1/3 [15]. В Великобритании картина была похожая, хотя юристов на руководящих постах было несколько меньше. Это, например, многие премьер-министры, начиная с первого из них Р. Уолпола, а также У. Питти-старшего и У. Питти-младшего и вплоть до М. Тэтчер и нынешнего главы правительства (на начало 2026 г.) К. Стармера. Были среди них и профессиональные военные (У. Петти, А. Веллингтон, У. Черчилль), а также историки, экономисты (самая «яркая звезда» – наша современница Л. Трасс, установившая рекорд по самому короткому пребыванию на этом посту) и др. Может быть, именно это позволило Н. Фергюсону сделать неожиданный вывод о том, что американская судебная система сгнила изнутри, а британская – нет. Добавим, что англо-саксонское право – это и есть «верховенство законников», где судьи творят нормы права, а что понимается в этой связи под верховенством закона (возможно, как раз и верховенство судей?), вообще непонятно.

Примечательно, что в целом размышления Н. Фергюсона строятся на прописных для любого юриста истинах о необходимости ограничения всевластия государства правом, о важности умеренного правового регулирования экономики с максимальным дерегулированием договорных отношений, о необходимости последовательно защищать право собственности, о повышении роли гражданского общества и др. Однако выводы из этих очевидных положений оказались более чем странные.

На наш взгляд, прав скорее нобелевский лауреат по экономике (2001) американец Дж. Стиглиц (р. 1943). Он, наоборот, считает главным недостатком американской правовой системы (как ответвления англо-саксонской правовой семьи) в ее воздействии на экономику то, что она неадекватно узко концентрируется только на закреплении и защите права собственности, а все остальное поручает заботам рынка. Это порождает хищническое кредитование, излишне строгое законодательство о защите интеллектуальной собственности во вред всему обществу, а судебные издержки, связанные с делами о токсичных отходах например, составляют более четверти затрат на мероприятия по очистке от них.

Насколько уважительно Стиглиц относился к праву, свидетельствует то, что он провозгласил «битву за законы и предписания, правящие нашей экономикой», а одной из главных задач государства считал задачу «сбалансировать весы правосудия». Это предполагает совсем иное: демократизацию доступа к правосудию, слишком сильно зависящему от «глубины кармана» заинтересованных лиц и возможности обращаться за помощью к квалифицированным юристам. Более того, Стиглиц продолжал настаивать на том, что государство и право в сфере экономики не дорабатывает именно там, где это важнее всего, причем как в экономической, так и в других сферах общественной жизни. Речь идет об ограничении своеволия финансового сектора в его склонности к спекуляции и махинациям на валютном и других рынках, о контроле за кредитно-рейтинговыми агентствами, о корректировке налоговых ставок для обеспечения большей степени равенства, о предотвращении уклонений от уплаты налогов, о борьбе с дискриминацией, о создании равных ус-

ловий для доступа к здравоохранению и образованию, к вакансиям на рынке труда и др. По его мнению, именно право должно «дать отпор сложившимся рыночным механизмам», не заменяя собой рынок, а корректируя его. Суды в процессе «отпора» должны играть одну из главных ролей [17, с.127–142; 18, с. 30–36].

В этом контексте Дж. Стиглиц предлагал: правовые ограничения против хищнического кредитования (в том числе ипотечного) со стороны банков (и даже «обуздание финансового сектора»), более строгое разделение банковских секторов кредитования и инвестирования, набор мер против мошенничества с ценными бумагами, принятие закона о банкротстве, дружественного должникам, а не кредиторам, развитие льготных программ студенческих займов, ужесточение ответственности руководителей фирм за случаи мошенничества, вплоть до уголовного преследования. При этом верховенство закона и судебные органы должны защищать слабых, что выводит на проблему справедливости и равенства [17, с. 256–276].

С его точки зрения, нельзя перекладывать ответственность за загрязнение окружающей среды через налоги на все общество («загрязнитель платит») и вообще «лучше облагать налогами плохие вещи, чем хорошие». Это касается прекращения раздачи природных ресурсов частным компаниям по заниженным ценам (через субсидирование), увеличения налогов на сверхприбыли, упразднения лазеек для уклонения от уплаты налогов сверхбогатыми, налогообложения ренты по более высоким ставкам, налогообложения финансового сектора. Снижение налогов в перспективе вообще признавалось неэффективной мерой. Стиглиц считал, что своевременные и целевые государственные расходы могут быть даже экономически оправданными с учетом эффекта мультипликатора, позволяющего выравнять неравенство, которое ведет к снижению совокупного спроса и ослаблению экономики в целом [17, с. 277–308; 18, с. 26–30].

Однобокий «рыночный» подход к праву порождает огромные траты бюджета на законотворческую и правоохранительную деятельность, которые, по экспертным оценкам, уже в начале 10-х гг. XXI в. составляли до 94,5 млрд долларов в год. В то же время около 13 тыс. вполне официальных лоббистов от бизнеса поглощают еще около 3,3 млрд долларов ежегодно, причем их единственной целью является либо продвижение корпоративных интересов, либо вред интересам конкурентов. Однако совсем уж дико выглядят 865 млрд долларов, выплачиваемых по решению судов ежегодно по деликтным обязательствам, что эквивалентно 8 % налогу на потребление или 13 % налогу на заработную плату. Сумма ежегодных исков о возмещении вреда составляет в среднем более 2 % ВВП США. Уже притчей во языцех стали судебные решения о возмещении вреда за пролитый на себя, но слишком горячий кофе, за «раздевающий» взгляд, за безобидные комплементы и др.

Да и официальные рейтинги не подтверждают смелых утверждений об эффективности государств англо-саксонской правовой семьи. Так, согласно «Индексу верховенства права»¹, даже в 2023–2025 гг. индекс Великобритании и США постоянно понижался и первая опустилась до 16-го места, а вторая до 27-го. Первую пятерку почти неизменно занимали Дания, Норвегия, Финляндия Швеция и Германия, а так нелюбимая экономистами Франция была постоянно выше США – 20–22-е место. Лидирующую группу также обычно составляли государства романо-германской право-

¹ Исчисляется с 2015 г. по около 140 государствам. В тексте статьи за основу взяты материалы официального сайта «Индекса верховенства права» за 2023, 2024 и 2025 гг. URL: www.worldjusticeproject.org (дата обращения: 10 января 2026 г.).

вой семьи (Люксембург, Нидерланды, Австрия, Эстония и др.). В нее входили и Новая Зеландия, Ирландия, Канада, однако их правовые системы отличаются большим своеобразием. В конце списка традиционно находились Венесуэла, Камбоджа, Афганистан и Гаити. Китай улучшил свои позиции с 98-го места в 2022 г. до 92-го в 2025 г. Естественно, объективность этого индекса вызывает вопросы. Так, Россия с 2022 по 2025 г. опустилась со 107 до 119-го места, причем оказывалась то между Мадагаскаром и Либерией, то между Сальвадором и Нигером. Такое соседство трудно назвать достойным, но более объективных показателей у нас нет. Однако стоит согласиться с тем, что индекс верховенства права в целом и по всему миру постоянно уменьшается.

Недостатки американской правовой системы понимает и Н. Фергюсон, однако он видит четыре стадии ее улучшения и почему-то только для бедных стран. Это – снижение уровня насилия, защита права собственности, ограничение государственной деятельности институциональными рамками и предотвращение коррупции в государственном секторе [17, с.121]. Однако все это подойдет для любого государства, причем экономист и социолог П. Коллиер (р. 1943), на которого ссылается британец, понимал систему мероприятий по трансформации капитализма (в т. ч. укреплению правосудия в сфере экономики) более широко. По его мнению, они включали формирование морального государства, моральных компаний, моральной семьи и морального мира, но на основании справедливости и иных принципов права, не совпадающих с утилитарными принципами экономики [19, с. 87–212].

В этой связи можно констатировать, что суждению об «антиэкономичности» романо-германской правовой семьи (до аналогичных еще не дошли ни юристы, ни даже большинство экономистов) добавляет своеобразие то, что Н. Фергюсон является сторонником империализма во всех проявлениях (в том числе экономического), абсолютного приоритета не просто западных, а специфических англо-американских ценностей, а также является крайним консерватором, неолибералом и даже обвиняется в неокOLONIALИЗМЕ и фальсификации исторических фактов [20, с.146–153].

Отметим, что реформа правовой системы в целом и системы правосудия сугубо «с рыночным уклоном» в частности традиционно выступает одним из основных пунктов программы реформ, предлагаемых развивающимся странам. Отметим, что «Вашингтонским консенсусом» 1989 г. называется набор мероприятий, которые должны были проводить страны Латинской Америки и которые затем были распространены на другие развивающиеся страны и постсоветское пространство. Название связано с тем, что это своеобразное руководство по проведению экономической политики отражало позицию Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного Банка и администрации США, располагавшихся в Вашингтоне. Непосредственно авторство этого набора мероприятий принадлежит британскому экономисту Д. Уильямсону (1937–2021). Этот набор мероприятий направлен на уменьшение роли государства, усиление роли рынка и выведение на первый план только экономической эффективности правовой системы. Речь идет, в частности, об уменьшении бюджетных расходов (что всегда начиналось с уменьшения социальных статей), о снижении ставок налогов, либерализации внутреннего рынка и внешней торговли (вторая обычно подрывала первый), приватизации государственных предприятий (эта часть особенно знакома россиянам) и в целом о дерегулировании экономики и др. Что касается права, то его главной ролью и фактически единственной ролью должно быть закрепление и защита права собственности. Это вытекает из того, что единственный

и последний по счету, 10-й пункт «вашингтонского консенсуса», относящийся к праву, сформулирован так: «Судебная система должна обеспечивать сохранение прав собственности без чрезвычайных затрат и сделать услуги по обеспечению права собственности доступным для неформального сектора» [21, с. 15–27]. Примечательно, что не о каких преобразованиях всей правовой системы в целом и системы правосудия, в частности, здесь речи вообще не идет. Как в этой ситуации обеспечивать право собственности, тем более в неформальном секторе, остается совершенно непонятным. Данное предложение напоминает попытку оздоровит кисть левой руки, не затрагивая остального организма.

Такая однобокость часто приводила к вполне предсказуемым и весьма противоречивым, а порой трагическим последствиям. В результате применения «Вашингтонского консенсуса» примерно в половине случаев следовал печальный финал, т. е. оно приводило либо к еще большему углублению экономического кризиса, либо к экономической катастрофе (Аргентина, Перу, Монголия, Мексика, многие страны Африки южнее Экватора). Вместо экономического подъема продолжение и даже обострение экономических кризисов разной степени глубины являлось в этой ситуации скорее правилом, а не исключением, в том числе в России. Дело даже не только в том, что основные положения «консенсуса», в том числе умеренные пожелания в отношении судебной системы, не верны. Просто достаточно элементарный набор мероприятий не может быть эффективным для различных государств, находящихся в разной экономической и политической ситуации, с разными правовыми традициями и уровнем правовой культуры, с различным уровнем развития институтов и др.

Именно слепое следование догмам «Вашингтонского консенсуса» едва не закончилось для России глобальной трагедией в конце прошлого века, а попытки реанимировать следование ему в настоящее время ничего хорошего не сулят для развивающихся стран. Отметим, что «коммерциализацию» деятельности правоохранительных органов в нашей стране вообще можно признать неудачной (дополнительные платные услуги органов МВД, их спонсирование со стороны полукриминальных структур через всякие «фонды поддержки» и др.). В этой связи не случайно, что некоторые современные исследователи считают, что бедность и бесправие многих современных развивающихся стран объясняется именно навязыванием им неисполнимых требований (в духе «Вашингтонского консенсуса» 1989 г.) и даже «благотворительным колониализмом» [22].

Среди критиков «Вашингтонского консенсуса» можно назвать такие различные по идейной ориентации личности, как финансисты Д. Сорос и Д. Стросс-Кан, французский социолог К. Агитон (р. 1953) [23, с. 45–49], норвежский экономист Э. Рейнерт (р. 1949), вышеназванный нобелевский лауреат по экономике Д. Стиглиц и др. Последний из них выявил негативное влияние глобализации, как и ее проявления в виде «Вашингтонского консенсуса», которое со временем только усиливается [18]. Оно связывалось с заменой диктатуры национальных финансовых элит на диктатуру международного финансового капитала. Д. Стиглиц считал, что государства должны строить свою политику на основании анализа внутренних факторов, а не под влиянием международной бюрократии, будь то Европейский союз (ЕС), МВФ, Всемирный банк и др. В полной мере это относится и к судебной системе. Он даже критиковал политику повышения процентных ставок для защиты национальной валюты, что до сих пор считается вполне подходящим рецептом «лечения» экономики. Отмечено, что постоянный уход трудоемких производств в развивающи-

еся страны и уплата налогов по месту их нового расположения порождает «гонку на понижение (гонку по нисходящей)», ведущей скорее не к повышению зарплат и уровня жизни в таких странах, а к уменьшению зарплат и наполняемости бюджета в развитых странах. Отсюда следует его «другая повестка для МВФ» и ориентиры для «пути в будущее», в том числе с опорой на идеи Дж. М. Кейнса, крестного отца МВФ [24; 17, с. 229–290].

Глобальный экономический кризис (Великая рецессия) (2008–2009 гг.) остро поставил вопрос о приемлемости этого «консенсуса», а в дальнейшем и фактически прекратил его применение. Даже его автор Д. Уильямсон, не отказываясь от него в целом, предложил пересмотреть ряд положений, в частности, усилить контроль за его осуществлением [25, с. 4–5]. Подчеркнем, что это невозможно без активизации роли государства и комплекса правовых мероприятий. В свою очередь, никакая экономическая эффективность права невозможна без реформы всей правовой системы, и в этой связи различие в принадлежности к правовым семьям не имеет принципиального значения. Это важный урок новейшей истории.

Да и постоянные призывы к верховенству права со ссылкой на авторитет А. Шлейфера звучат несколько двусмысленно. Начнем с того, что Андрей Маркович Шлейфер родился в 1961 г. и до 1976 г. жил в Москве, затем иммигрировал вместе с родителями в США, где и получил высшее образование в Гарварде, профессорствовал в ряде ведущих университетов, а затем и в Гарварде. Естественно, что он в совершенстве владеет русским языком.

Этот экономист вместе с помощником, коим являлся американский юрист (и тоже весьма юный выпускник Гарварда) Д. Хэй, «прославились» тем, что были в 1994–1997 гг. советниками российского правительства, причем А. Шлейфер – советником российской Федеральной комиссии по ценным бумагам и первым помощником А. Б. Чубайса в проведении приватизации по канонам «экономического анализа права» (передача собственности за бесценок или бесплатно в руки определенных заранее «эффективных собственников», наем для управления оставшейся госсобственностью за астрономические зарплаты «эффективных менеджеров» и др.). Именно Шлейфер и Хэй настояли на том, чтоб в платежную ведомость «Русского проекта» Гарварда, который финансировался правительством США в целях реформирования российской экономики, был включен А. Б. Чубайс после его отставки в январе 1996 г. с поста первого вице-премьера российского правительства.

Помимо этого, Шлейфер и Хэй были в числе основных распорядителей грантом USAID (Агентство США по международному развитию, упраздненное в 2025 г. Д. Трампом) на 57 млн долларов, которые использовали как для «стимулирующих выплат» российским должностным лицам, так и для собственных коммерческих инвестиций. Результатом их деятельности стало обвинение уже в США в причинении ущерба американскому бюджету первоначально на 136 млн долларов (о российском бюджете речи не было), а затем в получении «мошенническим путем» 102 млн долларов. Таким образом, деятельность данных персонажей в 1997 г. на ниве построения прозрачного финансового рынка России тихо завершилась, но громко продолжилось с 2000 г. в окружном суде в Бостоне гражданским делом «Соединенные Штаты против Гарвардского университета и А. Шлейфера». Прокурор через большое жюри пытался инициировать возбуждение уголовного дела, однако мощная команда адвокатов «реформаторов российской экономики» сумела отбить все атаки. Кроме того, Шлейфер пользовался покровительством своего друга, Л. Саммерса (р. 1954), кото-

рый был заместителем, затем министром финансов США, а впоследствии президентом Гарварда.

В ходе судебного разбирательства всплыли удивительные факты, связанные со сговором против правительства США и конфликтом интересов, сопряженные с обвинением в мошенничестве, нарушениях контрактов Гарварда с правительством, в незаконной торговле российскими ценными бумагами и др. Так, А. Шлейфер и Д. Хэй а также их жены Н. Циммерман (р. 1963) и Э. Хэберт (в то время любовница, впоследствии узаконившая их отношения) участвовали в различных способах торговли служебной информацией. При их участии был подготовлен план приватизации более чем 15 тыс. российских предприятий, а затем они передавали инсайдерскую информацию о ней «нужным людям» (как считается, не безвозмездно), либо сами использовали ее для обогащения. С этой целью была создана «липовая» компания, зарегистрированная на имя отца Н. Циммерман (тестя Шлейфера), которая занималась операциями с пресловутыми ГКО (государственными краткосрочными обязательствами), прибыль от которых попадала на счет двух славных американских семейств. Шлейфер и Хэй обвинялись еще и в том, что посредством давления на российские государственные органы помогли Э. Хэберт (в то время любовнице Хэя) создать первый в России паевой инвестиционный фонд «Палланд», и сами инвестировали в него существенные средства. Названные персонажи обвинялись и в незаконных выплатах «вознаграждения» высоким российским должностным лицам и членам их семей из средств USAID, среди которых фигурировал Чубайс, названный в решении суда «отцом коррумпированных залоговых аукционов». «Стимулировались» и депутаты российской Госдумы с целью принятия законов, благоприятных для их инвестиций. Таким образом, вместо построения прозрачной финансовой системы и утверждения равенства всех перед законом, усилия названных персонажей были направлены на создание запутанных схем, ориентированных на групповые интересы. Гарвард обвинялся в халатности и неспособности обеспечить надзор за своим российским проектом.

В итоге А. Шлейфер и Д. Хэй в 2004 г. американским судом первой инстанции были признаны виновными в мошенничестве и нарушении федерального закона «О ложных правопритязаниях». В результате в 2005 г. в соответствии с заключенным в суде соглашением они согласились оплатить штраф в более чем в 30 млн долларов, причем 2 млн Шлейфер заплатил из своих средств (благо зарплата профессора позволяла), а 26,5 млн внес Гарвардский университет, направивший нашего героя на помощь строящей цивилизованный капитализм России. Хэй заплатил штраф в размере 1 млн, а фонд, учрежденный Хэберт (уже его женой), – еще 1,5 млн. Интересный момент: Шлейфер ходатайствовал о том, чтобы судебные издержки и штраф за него оплатил Гарвард. Как водится, документы передали и России, однако наша страна к названным персонажам и фигурирующим в решении суда российским чиновникам претензий почему-то не имела [26].

Отдельно стоит сказать о Д. Хэе и USAID. Американца в России не без основания считали агентом ЦРУ, тем более что и бывший глава USAID Д. Гиллиган утверждал, что это агентство было «пронизано сверху донизу агентами ЦРУ». Однако в России он имел доступ к любой секретной информации и особенно настаивал на приватизации военных предприятий. Хэй даже успел получить ученую степень в Математическом институте им. В. А. Стеклова РАН. Напомним, что именно USAID финансировала группу экспертов «по верховенству права», участвующих в подготовке

законопроектов Конституции РФ 1993 г., ч. 1 Гражданского кодекса РФ 1994 г., ч. 1 и ч. 2 Налогового кодекса РФ 1998 и 2000 гг., Земельного кодекса 2001 г., а всего – 20 базовых законопроектов.

История эта окончилась для всех ее участников весьма оптимистично. А. Шлейфер в 1999 г. получил медаль Дж. Б. Кларка, как самый перспективный американский экономист в возрасте до 40 лет. Уже в ходе судебного разбирательства в 2002 г. он стал заведующим кафедрой в Гарварде и остается таковым до сих пор. С 2010 г. он регулярно входит в число экономистов с максимальным индексом цитирования (в 2024 г. занимал первое место) и, не исключено, может стать лауреатом Нобелевской премии по экономике. Отрадно, что еще в 1993 г. вместе с коллегой Р. Вишни он предложил модель экономики коррупции Шлейфера – Вишни, призванную предотвратить сговор коррумпированных чиновников, и знание этой экономической модели в России ему точно пригодилось. В настоящее время он по-прежнему вдохновляет студентов и коллег-историков на неуклонное соблюдение закона. Действительно, он же допустил не сексуальное домогательство или расистское высказывание (в этом случае участь профессора была бы более чем печальной), а просто мошенничество. Все хорошо и у его жены Н. Циммерман, которая на 2019 г. являлась самой богатой женщиной – основательницей хедж-фонда в США. Д. Хэй стал исполнительным вице-президентом компании «Делиндевелопмент групп», которая ведет свои дела, в том числе на постсоветском пространстве. Процветает бизнес и его супруги Хэберт.

Единственным пострадавшим в этой истории оказался вышеупомянутый Л. Саммерс, еще один гарвардский профессор, ранее руководивший американскими советниками в России. Он также одно время подозревался в «выгодоприобретении» от российской приватизации, но коммерческую жилку ему простили, а судебного разбирательства удалось избежать. Однако в 2006 г. он был вынужден уйти в отставку с поста президента Гарварда, так как вступил в конфликт с феминистками и представителями сексуальных, национальных и расовых академических групп. По преобладающему мнению, его отставки добились наводнившие вузовскую среду «лесбиянки и представители других меньшинств» [27, с. 108–110; 28, с. 11; 29].

В качестве заключения хотелось бы подчеркнуть, что речь идет не о попытке перехода «на личности» или перевода дискуссии о преимуществах правовых систем в сфере экономики на их носителей. Тем более не ставится под сомнение авторитет А. Шлейфера как известного экономиста. Просто взгляды и поступки некоторых наиболее видных сторонников экономической ориентации правовых систем достаточно ярко показывают их собственное отношение к праву, а то и к бюджетным средствам. Однако это позволяет повторить нам вывод о том, что любая правовая система оказывает огромное влияние на экономику, но о преимуществе какой-либо из них однозначно утверждать нельзя.

Ссылки

1. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 1997. 400 с.
2. Лафитский В. И. Миры права в теории и практике сравнительного правоведения: в 2 т. М.: Проспект, 2021. Т.1. 616 с.
3. Лафитский В. И. Миры права в теории и практике сравнительного правоведения: в 2 т. М.: Проспект, 2021. Т. 2. 680 с.

4. Лушников А. М. "Экономический анализ права" и "экономический империализм": Г. С. Беккер и Р. А. Познер. М.: Проспект, 2025. 160 с. EDN RPQUKX
5. Фергюсон Н. Восхождение денег. М.: Астрель, 2010. 431 с. EDN QUEXPL
6. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М.: АСТ, 2013. 560 с. EDN SCJYSD
7. Фергюсон Н. Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. М.: АСТ, 2014. 544 с. EDN YJERAZ
8. Фергюсон Н. Дом Ротшильдов. Пророки денег, 1798-1848. М.: Центрполиграф, 669 с.
9. Фергюсон Н. Дом Ротшильдов. Мировые банкиры, 1849-1999. М.: Центрполиграф, 2019. 734 с.
10. Фергюсон Н. Горечь войны: новый взгляд на Первую мировую. М.: АСТ, 2019. 635 с.
11. Фергюсон Н. Площади и башни. Сети и власть от масонов до facebook. М.: АСТ, 2020. 733 с.
12. Фергюсон Н. Злой рок. Политика катастроф. М.: АСТ, 2023. 653 с.
13. Ниал Фергюсон. Великое вырождение: рецензия // Русский репортер. 2017. № 3. С. 77.
14. Ла Порта Р., Лопес-де-Силанес Ф., Шлейфер А., Вишни Р. У. "Право и финансы" (июль 1996 г.). Рабочий документ NBER № w5661, доступен на SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=7788> (дата обращения: 11.01. 2026).
15. Фергюсон Н. Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства. М.: Издательство АСТ, 2016. 192 с.
16. Чернявский Г. П., Дубова Л. Л. Президенты США. М.: Молодая гвардия, 2019. 767 с.
17. Стиглиц Д. Цена неравенства. М.: Эксмо, 2015. 512 с.
18. Стиглиц Д. Великое разделение. Неравенство в обществе, или что нам делать с оставшимися 99 % населения. М.: Эксмо, 2016. 480 с.
19. Коллиер П. Будущее капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 240 с.
20. Тарасов А. Н. Господин Фергюсон, пламенный фальсификатор // Скепсис: Научно-просветительский журнал. 2008. № 5. С.146-153.
21. Ананьин О. И., Хаиткулов Р. Г., Шестаков Д. И. Вашингтонский консенсус: пейзаж поля битвы // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С. 15-27. EDN NXUMSD
22. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 384 с.
23. Агитон К. Альтернативный глобализм: новые мировые движения протеста. М.: Гилея, 2004. 203 с.
24. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Нац. общественно-научный фонд, 2003. 304 с.
25. Уильямсон Д. Америкацентричный мир исчезнет в любом случае // Русский журнал. 2009. № 49. С. 4-5.
26. Гетманский К. Американские консультанты российского правительства оказались мошенниками // Известия. 2004. 30 июня.
27. Рейнерт Э. Спонтанный хаос. Экономическая эпоха рецессии. М.: РОССПЭН, 2017. 190 с.
28. Кротов Н. Троянский конь российской приватизации // Аргументы недели. 2025. 25 июня, с.11.
29. Кротов Н. Приключение гостербайтеров USAID в борисниколаевское время. М.: Экономическая летопись, 2025. 344 с.